

## Зарубежная юрислингвистика: истоки, проблемы и перспективы развития

**Дединкин А.Л.**

Учреждение образования «Витебский государственный университет  
имени П.М. Машерова», Витебск;  
Витебский филиал учреждения образования Федерации профсоюзов Беларуси  
«Международный университет “МИТСО”», Витебск

*В XXI веке лингвистика стала телеономной, начался переход от исследований изолированных друг от друга языковых феноменов к анализу комплексов каузально связанных явлений. Интеграция результатов исследования одних и тех же проблем разными отраслями знаний позволяет решать не только фундаментальные, но и прикладные задачи.*

*Цель статьи – показать актуальное состояние зарубежной юрислингвистики и очертить тот круг проблем, которые являются исключительными для неё на сегодняшний день.*

**Материал и методы.** Материалом для исследования послужили научные труды представителей западных школ юрислингвистики, а также российских учёных, оказавших наибольшее влияние на формирование соответствующего проблемного поля в Республике Беларусь. В процессе работы были использованы описательно-аналитический и сопоставительный методы исследования.

**Результаты и их обсуждение.** История развития юрислингвистических разработок прошла два этапа: 1) признание юристами необходимости корректного (с точки зрения лингвистики) формулирования правовых норм; 2) формирование лингвистами самостоятельных теорий языка права. Для наименования отрасли знаний, образованной на стыке лингвистики и юриспруденции, использовались различные категории: «судебная лингвистика» (Я. Свартвик), «правовая лингвистика» (А. Подлех), «юрислингвистика» (Н. Голев).

**Заключение.** Автором сделан вывод о том, что в западных (англо-американской и романо-германской) школах, а также российской юрислингвистике сформировались собственные методологические системы, которые являются прочным фундаментом для дальнейших исследований юридического дискурса, в том числе в Республике Беларусь.

**Ключевые слова:** юрислингвистика, романо-германская школа юрислингвистики, англо-американская школа юрислингвистики, язык права, судебная лингвистическая экспертиза.

(Ученые записки. – 2023. – Том 38. – С. 32–36)

## Foreign Legal Linguistics: Origins, Problems and Development Prospects

**Dedinkin A.L.**

Education Establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”, Vitebsk;  
Vitebsk Branch of Education Establishment of Belarus Trade Union Federation  
“International University «MITSO»”, Vitebsk

*In the 21st century, linguistics became highly structured; the transition began from studies of linguistic phenomena isolated from each other to the analysis of complexes of causally related phenomena. The integration of research findings of the same problems by different fields of knowledge makes it possible to solve not only fundamental, but also applied problems.*

*The purpose of the article is to show the current state of foreign legal linguistics and outline a range of problems related exclusively to it.*

**Material and methods.** The material for the study is based on scientific works of representatives of Western schools of legal linguistics, as well as Russian scientists who had the greatest influence on the formation of the corresponding problem field in the Republic of Belarus. In the process of work, descriptive, analytical and comparative research methods were used.

**Findings and their discussion.** The development of legal linguistics has passed two stages: 1) recognition by lawyers of the need for correct (from the linguistic point of view) formulation of legal norms; 2) the formation of independent theories of legal language by linguists. To specify the field of knowledge formed at the intersection of linguistics and jurisprudence, various categories were used: “forensic linguistics” (J. Svartvik), “legal linguistics” (A. Podlekh), “jurislinguistics” (N. Golev).

**Conclusion.** *The author concludes that Western (Anglo-American and Romano-Germanic) schools, as well as Russian legal linguistics, have formed their own methodological systems, which are a solid foundation for further research into legal discourse, including that in the Republic of Belarus.*

**Key words:** *legal linguistics, Romano-Germanic school of legal linguistics, Anglo-American school of legal linguistics, language of law, forensic linguistic examination.*

*(Scientific notes. – 2023. – Vol. 38. – P. 32–36)*

**В** XXI веке лингвистика стала телеономной, начался переход от исследований изолированных друг от друга языковых феноменов к анализу комплексов каузально связанных явлений. Чтобы их осмыслить, в большинстве случаев необходимо приложить усилия целого ряда специалистов, ведь причины возникновения того или иного языкового факта могут корениться в области интересов других наук (например, ответ на причины молчания в диалоге находим в философии у М. Бубера). Неслучайно в своей статье «Современная лингвистика – наука о человеке, его сознании, языке и культуре» профессор В.А. Маслова прозорливо замечает по этому поводу о необходимости «интегрировать исследовательские результаты в единые системы для решения сложных научных и практических задач». Как видно, без междисциплинарной интерпретации обойтись сложно.

Цель статьи – показать актуальное состояние зарубежной юрислингвистики и очертить тот круг проблем, которые являются исключительными для неё на сегодняшний день.

**Материал и методы.** Материалом для исследования послужили научные труды представителей западных (романо-германской и англо-американской) школ юрислингвистики, а также российских учёных, оказавших наибольшее влияние на формирование соответствующего проблемного поля в Республике Беларусь. В процессе работы были использованы описательно-аналитический и сопоставительный методы исследования.

**Результаты и их обсуждение.** О том, что внимание учёных должно быть сосредоточено на комплексном исследовании взаимосвязанных процессов и явлений с позиции различных научных сфер отмечено Н. Арутюновой, утверждавшей, что «познание не может пренебречь фактором целостности» [1, с. 315]. Единое поле существует, в том числе, и у лингвистики с юриспруденцией: право связано с языком, оно в нём объективируется и посредством него познаётся. Данное суждение в полной мере объясняет формирование новой («пограничной») отрасли гуманитарного знания – юрислингвистики. Определяя связь лингвистики и юриспруденции, А. Александров указывает на корреляцию изменений в законодательстве с изменениями языковой картины мира [2]. Действительно, право в его фактичности – это и есть текст, соответственно, верным будет утверждение о том, что нет ничего юридического, что не было бы лингвистическим.

История развития юрислингвистических разработок прошла два этапа:

1) признание юристами необходимости корректного (с точки зрения лингвистики) формулирования правовых норм;

2) формирование лингвистами самостоятельных теорий языка права.

Для наименования отрасли знаний, образованной на стыке лингвистики и юриспруденции, использовались различные категории. Исторически первым вошёл в употребление термин «судебная лингвистика» (Forensic Linguistics). Его в 1968 году ввёл в научный оборот шведский языковед Я. Свартвик [3, с. 7]. В 1976 году немецким филологом А. Подлемом был предложен термин «правовая лингвистика» («Rechtslinguistik») [4, с. 105]. Наиболее употребительным на постсоветском пространстве является термин «юрислингвистика», введённый в 1999 году российским лингвистом Н. Голевым [5, с. 16].

На развитие отечественной юрислингвистики в значительной степени оказали влияние разработки западных исследователей.

В рамках *романо-германской школы* юрислингвистики рассматривается достаточно широкий круг проблем:

– судебная коммуникация (вопросы риторики и стилистики текста);

– юридическая аргументация (способы доказывания средствами языка);

– языковое нормирование права (требования к судебной речи, юридическим переводам и формулировкам нормативных правовых актов);

– судебная лингвистика (методология лингвистического исследования спорного текста).

Исследователями поставлен ряд ключевых вопросов, которые и на сегодняшний день остаются нерешёнными:

1. *Преодоление коммуникативных барьеров между юристами и неюристами* [6]. Так, по мнению Р. Арнтца, причиной «непонимания» сути нормативных актов рядовыми гражданами является наличие в документах внутренних юридических условностей и абстрактных категорий. Б. Эккарт, отвечая на данный вопрос, утверждал, что помехи в коммуникации обусловлены, к примеру, наличием в тексте тяжёлых для восприятия синтаксических конструкций или узкоспециальных терминов.

2. *Определение структуры языка права* [7]. В. Отто предложил следующую типологию юридического языка: язык законов, язык судебных решений, язык юридической науки и экспертиз, язык ведомственного письменного общения, административный жаргон.

П. Сандрини выделил такие типы юридических текстов, как правотворческие акты (договоры, законы), акты осуществления правосудия (судебные решения, экспертизы), административные тексты (ведомственная переписка). Л. Эриксен внёс предложение структурировать язык права не по лингвистическим критериям, а в соответствии с функциональными областями права: законодательство, администрирование и судопроизводство. Автор пришел к выводу, что для каждой из указанных сфер характерен свой специальный язык, следовательно, единого языка права, по его мнению, не существует. Ж. Корню отметил две формы юридического языка: письменный (законы, ордонансы, постановления, декреты) и устный (судебные прения, клятвы, речи и признания), которые «подчиняются общим законам риторики, композиции и жанра».

3. *Анализ методологии и техники перевода юридических текстов* [8]. Так, Я. Энгберг указывал, что при переводе юридических актов следует учитывать влияние на их текстуальные особенности прагматических факторов. П. Бертелоот исследовал особенности перевода правотворческих актов, определил специфику перевода с различных языков, охарактеризовал средства, используемые при переводе (справочники и словари). Ж.-Р. де Гроот подчеркнул, что наиболее серьёзной проблемой в переводческой практике является подбор полных эквивалентов в паре языков, которые принадлежат государствам с разной правовой системой.

Представители *англо-американской школы* изначально ограничивали проблемное поле юрислингвистики аспектами судебной коммуникации. Однако в последние десятилетия круг изучаемых ими вопросов значительно расширился:

1. *Исследование юридических концептов и терминов* [9]. Т. Эндикотт доказал, что формирование терминосистемы права происходит под воздействием конкретной национально-культурной среды. К. Тоу сделал вывод о различиях в восприятии юридических концептов в национальных правовых системах. Оба автора выдвинули тезис о необходимости проведения соответствующих сравнительно-контрастивных исследований. Х. Маттила указал на такие факторы формирования юридической терминосистемы, как многозначность и синонимия, выявил социально-политические причины замены одних конструктов другими (например, термина «преступление» на «общественно опасное деяние»).

2. *Языковые особенности юридических актов* [10]. В. Батиа, указав на функционально-стилистическую неоднородность регистра права, сложность юридического языка для восприятия, отметил новую тенденцию, заключающуюся в том, что современные нормативные правовые акты становятся более понятными для неюристов. Г. Стайгол доказывал, что при подготовке текста юридического акта его формулировки должны исключать двусмысленность, т.е. быть

максимально понятными для любого носителя языка. П. Тирсем писал, что язык права должен стать доступным для обычных граждан, для чего необходимо прибегать к «внутриязыковому переводу».

3. *Инструментарий судебной лингвистической экспертизы* [11]. Д. Олссон в качестве объекта судебного исследования рассматривал любое речевое произведение в правовом контексте (к примеру, завещание, контракт, врачебный диагноз и т.д.). Автор доказал необходимость практического применения лингвистики для обеспечения правопорядка (его экспертные заключения легли в основу целого ряда обвинительных приговоров). По мнению М. Коултарда, разработки в области юрислингвистики позволяют в судебном заседании определить характер коммуникативной ситуации на момент совершения правонарушения, выявить целевые установки субъектов деструктивного дискурса. Р. Шуй ввёл в судебную экспертологию понятие «языковое преступление», определил «недопустимые» стратегии допроса, нарушающие права человека и позволяющие полиции получить «нужное» судебное решение, исследовал различные виды судебного дискурса (на основании дел о клевете, лжесвидетельстве, взяточничестве, убийстве, мошенничестве и сексуальном домогательстве). В исследовании Д. Гиббонса на примере судебных допросов австралийских аборигенов был проведён анализ межкультурных различий в осмыслении судебных феноменов «местными» и «белыми» австралийцами (неверное толкование показаний аборигенов было связано с тем, что их английский язык включал в себя несколько вариантов, сформировавшихся в различных частях континента).

О значительном интересе в западных странах к проблемам взаимодействия языка и права говорит проведение целого ряда научных мероприятий. Так, первая конференция по правовой лингвистике состоялась в 1988 году по инициативе Федерального ведомства уголовной полиции Германии. В 1992 году подобная конференция прошла в Великобритании в Бирмингемском университете. В 1993 году была образована Международная ассоциация по юридической лингвистике. С 1994 года стал выходить научный журнал “Forensic Linguistics” (в настоящее время – “International Journal of Speech, Language and the Law”). В конце XX века юрислингвистика стала одной из образовательных программ, впервые её освоили магистранты Кардиффского университета. В 2008 году был открыт Центр юрислингвистики в Астонском университете [12, с. 89–90].

Представители западных юрислингвистических школ в настоящее время концентрируют внимание на вопросах стилистики конфликтогенного текста. Целый ряд авторов предлагает отказаться от выделения «юридически наказуемых жанров». Отмечается, что признаки совершения противоправного деяния не имеют генристической маркированности (оскорбить можно и в газетной публикации, и в публичном выступлении, и в художественном тексте).

Исключительное значение на формирование юрислингвистики в Республике Беларусь оказали разработки российских учёных.

Основанием для становления юрислингвистики в России стала функциональная стилистика, где «в рамках исследований официально-делового функционального стиля решались актуальные задачи по изучению процессуального и законодательного текста».

Интерес к изучению языка права в советский период проявляли Л. Галанза, Л. Крысин, А. Пиголкин, В. Савицкий, Е. Сморгунова, А. Ушаков. Однако как новое интегративное научное направление юрислингвистика официально оформилась только в 1990-х годах. Её основателем считается профессор Н. Голев. Согласно его концепции, зона пересечения языка и права формируется двумя смежными, но отличными друг от друга областями лингвоправовых исследований: юрислингвистикой (лингвистические аспекты права) и лингвоюристикой (юридический аспект языка).

В XXI веке в Российской Федерации возникли сразу несколько ассоциаций (школ) юрислингвистики:

1. *Сибирская ассоциация лингвистов-экспертов (СИБАЛЭКС)*. Ассоциация объединила учёных Алтайского государственного университета (лаборатория юрислингвистики и развития речи), Кемеровского государственного университета (лаборатория юрислингвистики и документоведения), членов региональных общественных организаций лингвистов-экспертов «ЛЕКСИС» (Барнаул), «Юрислингвистика» (Кемерово), «Норма» (Новосибирск). Основное поле научных разработок членов СИБАЛЭКС – решение методологических проблем судебной лингвистической экспертизы по различным категориям дел. Ассоциация стала учредителем единственного в России профильного журнала «Юрислингвистика». Членами Ассоциации являются видные специалисты в области юрислингвистики: Н. Голев, К. Бринёв, Т. Чернышова, Н. Лебедева, О. Сологуб и другие.

2. *Гильдия лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам (ГЛЭДИС)*. Начальный этап становления ГЛЭДИС связан с научной деятельностью выпускников РУДН, среди которых М. Горбаневский, А. Мамонтов, В. Шаклеин, Г. Трофимова, М. Красильников и другие. В настоящее время Гильдия оказывает содействие в проведении лингвистической и автороведческой экспертиз спорных текстов в печатных и электронных изданиях, блогах, мессенджерах. Кроме этого, объектами исследования являются тексты нормативных правовых актов и словесные обозначения товарных знаков. Важнейшая задача ГЛЭДИС – формирование в регионах России квалифицированных экспертов-лингвистов, действующих на основе единой научно-методической базы Гильдии.

3. *Ассоциация лингвистов-экспертов Юга России (АЛЭЮР)*. Ассоциация учреждена на базе Южного федерального университета и включает специалистов

в области юрислингвистики из Ростова-на-Дону, Краснодар, Ставрополя и Сочи. Основными направлениями деятельности АЛЭЮР являются: лингвистическая экспертиза, экология языка, речевое манипулирование, электоральные речевые технологии. Ежегодно под эгидой Ассоциации лингвистов-экспертов Юга России проводится научно-практическая конференция «Язык и право: актуальные процессы взаимодействия». Среди членов Ассоциации следует назвать В. Меликяна, Т. Павленко, А. Факторовича, А. Остаевского, Г. Матвееву, А. Кузнецову и других.

4. *Московская школа лингвокриминалистики* (Л. Златоустова, Е. Галяшина, О. Фролова). Учёные занимаются криминалистическим исследованием устной речи и письменных текстов для потребностей судопроизводства. Представители школы заложили основу фоноскопической экспертизы, которая назначается судом в целях установления личности говорящего по признакам голоса и речи, выявления признаков монтажа, определения условий, обстоятельств, средств и материалов звукозаписи.

5. *Нижегородский исследовательский научно-прикладной центр «Юридическая техника»*. Сотрудниками Центра под руководством профессора В. Баранова определено место юридической техники в структуре юриспруденции, изучен опыт экспертизы федеральных и региональных законопроектов, обозначены проблемы взаимодействия правотворческой политики и законодательной техники. Центр ежегодно издаёт одноименный научный журнал, а также проводит серию мероприятий в рамках Международного научно-практического форума «Юртехника». Среди сотрудников Центра следует назвать А. Афанасьева, А. Глухову, М. Климову, Г. Колоколова, Е. Леханову и других.

Перспективными направлениями развития юрислингвистики в России являются установление авторства текста (определение половозрастных характеристик, национальной принадлежности автора, времени написания текста, идентификации личности автора), исследование товарных знаков, рекламных слоганов, фирменных наименований на предмет их тождественности или сходности. Кроме этого, следует отметить такие тренды развития юрислингвистики, как её интеграция с когнитивной лингвистикой, психолингвистикой и социолингвистикой.

**Заключение.** Таким образом, в западных (англо-американской и романо-германской) школах, а также российской юрислингвистике сформировались собственные методологические системы, которые являются прочным фундаментом для дальнейших исследований юридического дискурса. Проблемное поле зарубежной юрислингвистики предопределило для разработок белорусскими исследователями следующие направления: юридико-лингвистическая герменевтика, судебное речеведение, лингвоэкспертология, правовая коммуникация и юридическое терминоведение.

*Данное исследование подготовлено при поддержке гранта Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований «Языковая экспликация правонарушения (экстремизм, угроза, оскорбление, клевета) в аспекте судебной лингвистической экспертизы текста» (№ Г22-074).*

## Литература

1. Арутюнова, Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт / Н.Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1988. – 341 с.
2. Александров, А.С. Введение в судебную лингвистику / А.С. Александров. – Нижний Новгород: Нижегород. прав. академия, 2003. – 420 с.
3. Svartvik, J. The Evans statements: A case for forensic linguistics / J. Svartvik. – Göteborg: University of Göteborg, 1968. – 44 p.
4. Podlech, A. Rechtslinguistik / A. Podlech // Rechtswissenschaft und Nachbarwissenschaften / Grimm, Dieter [Hrsg.]. – Bd. II. München: Beck, 1976. – S. 105–116.
5. Барабаш, О.В. Юрислингвистика: истоки, проблемы, перспективы / О.В. Барабаш // Вестн. Пенз. гос. ун-та. – 2014. – № 2(6). – С. 14–18.
6. Arntz, R. Fachbezogene Mehrsprachigkeit in Recht und Technik / R. Arntz. – Hildesheim, Zürich, New York: Georg Olms Verlag, 2001. – 260 S.; Eckardt, B. Fachsprache als Kommunikationsbarriere? Verständigungsprobleme zwischen Juristen und Laien / B. Eckardt. – Wiesbaden: Dt. Univ. Verl., 2000. – 157 S.
7. Otto, W. Die Paradoxie einer Fachsprache / W. Otto // Der öffentliche Sprachgebrauch. – Band. II. – Stuttgart: Klett-Cotta, 1981. – S. 44–57; Sandrini, P. Translation zwischen Kultur und Kommunikation: Der Sonderfall Recht / P. Sandrini // Übersetzen von Rechtstexten. – Tübingen: Narr: Gunter Narr Verlag, 1999. – S. 9–44; Eriksen, L. Einführung in die Systematik der juristischen Fachsprache / L. Eriksen // Juristische Fachsprache. Kongressberichte des 12th European Symposium on Language for Special Purposes. – Bruxelles/Bressanone. – 1999. – S. 1–19; Cornu, G. Linguistique juridique / G. Cornu. – Paris: EJA, 2005. – 449 p.
8. Engberg, J. Konventionen von Fachtextsorten: kontrastive Analysen zu deutschen und dänischen Gerichtsurteilen Forum für Fachsprachen-Forschung / J. Engberg. – Tübingen: Narr: Gunter Narr Verlag, 1997. – 308 S.; Berteloot, P. Der Rahmen juristischer Übersetzungen / P. Berteloot // Recht und Übersetzen. – Baden-Baden: Nomos, 1999. – S. 101–113; De Groot, G.-R. The Quality of Legal Dictionaries: an assesment / G.-R. De Groot. – Maastricht: University of Maastricht, 2008. – 63 p.
9. Endicott, T. Law and Language. Jurisprudence and Philisophy of Law / T. Endicott. – Oxford, 2002. – Pp. 935–968; To, C. Confidentiality in Arbitrations // Legal Discourse across Cultures and Systems / C. To. – Hong Kong, 2008. – 242 p.; Mattila, H. Legal Vocabulary. The Oxford Handbook of Language and Law / H. Mattila. – Oxford, 2012. – 260 p.
10. Bhatia, V. Specification in Legislative Writing: Accessibility, Transparency, Power and Control / V. Bhatia // The Routledge Handbook of Forensic Linguistics. – London: Routledge, 2010. – Pp. 37–50; Stygall, G. Legal writing: Complexity: Complex documents / G. Stygall // The Routledge Handbook of Forensic Linguistics. – London: Routledge, 2020. – Pp. 32–47; Tiersma, P. Legal Language / P. Tiersma. – Chicago, 1999. – 312 p.
11. Olsson, J. Forensic Linguistics / J. Olsson. – Trowbridge: Cromwell. Pr., 2008. – 256 p.; Coulthard, M. An Introduction to Forensic Linguistics: Language in Evidence / M. Coulthard, A. Johnson, D. Wright. – London: Routledge, 2007. – 253 p.; Будаев, Э.В. Зарубежная юридическая лингвистика: генезис дисциплины / Э.В. Будаев // Политическая лингвистика. – 2019. – № 1(73). – С. 122–126; Gibbons, J. Forensic Linguistics: An Introduction to Language in the Justice System / J. Gibbons. – Oxford: Blackwell, 2003. – 346 p.
12. Полякова, Я.В. Некоторые вопросы истории и современных тенденций развития юридической лингвистики в зарубежных странах / Я.В. Полякова // Вестн. Донбас. юрид. акад. – 2022. – № 20. – С. 83–92.

Поступила в редакцию 13.11.2023